

Ирина ДЖИОЕВА:

Из музыкальной школы меня выгнали

В Мариинском театре премьера — «Лючия ди Ламмермур» Доницетти

Нынешняя «Лючия» вдвойне юбилейная: в этом году исполняется 165 лет со дня премьеры в Неаполе и 160 — со дня первого исполнения в Петербурге. Музыкальный руководитель и дирижер спектакля — Джанандреа Нозеда, наиболее яркие творческие успехи которого за время сотрудничества с Мариинкой связаны именно с итальянской оперой. И на сей раз Нозеда подтвердил уже сформировавшуюся «итальянскую» репутацию. Режиссер Давид Доиташвили — главный режиссер тбилисского Театра им. Марджанишвили — придал постановке несколько тягеловесный характер, как нельзя более (более, кажется, действительно нельзя) подходящий для

громоздкого шотландского сюжета. Тягеловесность эта порой приобретает прямо-таки монументальные формы: главные герои в особо напряженных по либретто эпизодах поют поднявшись на подступы и так застыв. Она отчасти «разбавлена» художником-постановщиком — Теймуразом Муравнидзе. Здесь и игра света и теней, и призраки-символы, облаченные в мерцающие одеяния, и легкие «растительные» декорации.

Состав исполнителей — в амплитуде от «очень средне» (это главным образом относится к Владимиру Живописцеву — Артуру) до «великолепно» (Ильдар Абдраков — Раймонд). Лючия — Ирина Жи-

оева — после премьеры по праву удостоилась единодушного нескончаемого: «Брависсимо!» Ирине Джигоевой 28 лет. Она — одна из самых молодых вокалистов прославленного театра, «сделавшего ставку на будущее». Родилась Ирина в Магадане, куда на заработки уехали из Владикавказа ее родители. Ирина — четвертый, самый младший ребенок в семье и единственный музыкант на несколько поколений. Петь начала очень рано, слушая по радио оперетты и «влюбившись» в Татьяну Шмыгу. Родители к увлечению дочки относились прохладно: «Пусть поет, если время свободное есть». Но в музыкальную школу Иру мама все же отвела.

Солистка Мариинского театра Ирина Джигоева

— В музыкальной школе меня терпели четыре года. А потом выгнали за прогулы. Мне не хватало старания учить часами пассажи, играть этюды. Еще я лыжным спортом занималась, это было интереснее, чем пианино... Мне нравилось петь. Я копировала голоса певцов, тут же повторяла — было интересно, возьму ли ту или иную ноту, получится ли запомнить с одного раза новую мелодию. И после восьмого класса я поступила в магаданское музыкальное училище на хоровое отделение. Родители удивились: «Поступила? Ты всеерь хочешь этим заниматься?». А окончив училище, поехала в Петербург — в консерваторию. Я всегда мечтала жить в городе, где Мариинский театр.

И решила: всем докажу, что могу петь там.

— Доказали. Родители довольны?

— Вы знаете, они ни разу не видели меня на этой сцене. Они приходят меня послушать, когда я приезжаю во Владикавказ — в отпуск или с концертами. А приехать в Питер — у них времени нет, они очень много работают.

— Осетинский знаете?

— Да, меня бабушка во Владикавказе учила, когда я подросла. Но говорить по-осетински я стесняюсь — у меня акцент. Приезжаю в Осетию и слушаю, слушаю.

— Вы теперь живете в городе «сбывшейся мечты». Чувствуете себя здесь дома?

— Пожалуй, нет. Дом все-таки во Владикавказе. Там семья, там друзья. И тепло. А самые добрые, искренние люди, по-моему, живут в Магадане. Серьезно! Там все открыто для радости и для горя другого.

— А здесь друзья появились?

— Конечно, есть настоящие друзья. Но совсем не из музыкальной сферы. Это, наверно, невозможно. Я, во всяком случае, в том убеждалась не один раз на собственном опыте. Доверюсь человеку, а потом оказывается... не надо было. Вы же сами наверняка знаете, что такое дружба в творческом мире.

— Перед какой публичкой труднее всего выступать?

— Перед финнами. На протяжении всего вечера не знаешь,

что они о тебе думают: тихие такие, вежливые аплодисменты. И вот к концу, когда уже совсем выдохлась, когда уже расстраиваешься, — вдруг весь зал встает и долго-долго рукоплещет.

— Что особенно любите петь?

— Конечно, итальянцев. Это балзам для связок. Верди, Беллини, Доницетти...

— Верди на сцене Мариинки вы уже пели — Виолетту в «Травиате», Беллини тоже — главную партию в «Сомнамбуле». Что для вас Лючия?

— Мы репетировали месяц, и на одном дыхании. Это очень интересная «игровая» партия, здесь и лирика, и трагедия — я имею в виду сцены сумасшествия моей героини.

— О чем грезите теперь, после Лючии?

— О Норме. Даже во сне.

— Вам часто сняты ваши оперные героини — уже «состоявшиеся» и пока нет?

— Да, бывает. Иногда просыпаюсь в ужасе — провалилась! Но чаще всего снится навязчивый сон: я опаздываю на репетицию. Влетаю на сцену, а все уже давно там, уже поют, maestro уже что-то объясняет, я не знаю, что происходит. Вот и боюсь пропустить, «проспать» свою новую роль.

— Ирина, вы импульсивный человек или выдержанный?

— Это зависит от обстоятельств. И то и другое. Я взрываюсь и сама же себя сдерживаю. Могу иногда долго терпеть, молчать, а потом как-то рванет! Себя не помню, уже никакого самоконтроля. Я по натуре лидер. Люблю доказывать, что я — сильнее, что я — первая, что я — могу. Прежде всего самой себе.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург